

постсоветском пространстве), не допуская проведения крупными российскими корпорациями собственной «внешней политики», идущей вразрез с государственными интересами. Государство, в свою очередь, должно обеспечивать должную поддержку деятельности российских государственных корпораций и крупных частных компаний, включающую как административное, так и имиджевое содействие; при этом в большинстве случаев *пресекать публичную демонстрацию силы бизнес-структурами* и, в целом, препятствовать формированию представления о России как стране, чья политика, в особенности экономическая, на постсоветском пространстве носит сугубо эгоистический характер, поскольку это крайне негативно воспринимается общественным мнением стран ближнего (и не только ближнего) зарубежья.

Список литературы: 1. Беспалов С. В., Власов А. В. и др. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007. 2. Бурмистров П.. Постсоветский фантом. Стоит ли России опасаться ГУАМ // Политический журнал. 2006. № 2 (97). 3. Казанцев А. А., Меркушев В. Н. Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» / А. А. Казанцев, В. Н. Меркушев // Полис. 2008. № 2.

*Бобр А. М., Новиков В. Т.
г. Минск, Республика Беларусь*

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Восточнославянский мир – особая цивилизация, существование которой в мировой истории неоднократно ставилось под сомнение и которой в современном общественном процессе, осуществляющемся по сценарию глобализма, отводится место периферии. Осознание этого факта порождает у восточнославянских народов потребность в изменении стратегии глобализации, которая учитывала бы традиционные для них ценности и идеалы.

Данное обстоятельство актуализирует такую проблему социальной философии как проблема сохранения культурной и религиозно-конфессиональной идентичности. Для ее адекватной интерпретации необходимо рассмотреть историю становления цивилизационных общностей. В Новое время человек западноевропейской цивилизации идентифицировал себя в качестве, прежде всего, представителя белой расы, определенного этноса, христианина, гражданина государства и члена гражданского общества. При этом в индустриальном обществе Запада складывание цивилизационных общностей с характерными для них образом жизни и культурой происходило двумя основными путями.

Первая модель – «плавильного тигля», характерна для стран, в возникновении и развитии которых, решающее значение имела массовая эмиграция людей. В них процесс интеграции представителей различных этносов сопровождался социально-культурной «переплавкой», приведшей к образованию новых политических наций, квалифицируемых как народы США, Канады, Австралии. Их возникновение могло включать элементы насилия и миссионерства в отношении местного населения (например, американских индейцев и австралийских аборигенов), но, в целом, происходило мирным и эволюционным путем. В итоге эти новообразования, не отменяя этническое многообразие этих обществ, способствовали их объединению в рамках «политической нации».

Вторая модель социокультурной интеграции – «томатного супа», характерна для западноевропейских государств. Она фиксирует возникновение в индустриальном обществе интегрированной социальной общности на основе доминирования титульного этноса и системы его политических и культурных ценностей и традиций. Ценности титульного этноса являются базовыми, определяя социальное бытие национального государства, а ценности других проживающих в нем этнических групп выполняют функцию «приправы», дополняющей вкусовыми нюансами возникший продукт социокультурной интеграции, но не меняющей его основы.

Глобализация и начавшийся переход к постиндустриальному обществу способствовали интенсификации социальной мобильности в современном мире, имевшей как позитивные, так и негативные последствия. В частности, современный Запад пришел к осознанию остроты вставшей перед ним проблемы социокультурного диалога между проживающими на территории их национальных государств социальными общностями, представляющими разные типы цивилизаций.

Известно, что заметно усилившийся в 60–70 годы XX приток в Западную Европу эмигрантов из развивающихся стран первоначально расценивался коренными жителями как позитивное явление, продиктованное потребностью в новой рабочей силе. Не вызывал тревоги и факт равноправного существования в одной стране разнообразных этнических групп со своеобразными культурными и религиозными ценностями, поскольку предполагалось, что они, адаптировавшись и впитав ценности титульной, государственной нации, естественным путем вольются в нее, добавив, согласно привычной модели «томатного супа», еще одну «специю», не более. Именно такой сценарий социально-культурной интеграции был положен в основу возникшей в конце 60-х гг. концепции мультикультурализма.

Однако развитие событий привело к существенно иным результатам. В Германии, Франции, Великобритании сформировались достаточно мощные этнические диаспоры, которые, вопреки ожиданиям, не растворились в либерально-демократическом государстве с его христианскими корнями, а составили «параллельный мир». Он пользуется гарантированными государством материальными благами, социально-экономическими и политическими правами, но, в то же время, для него характерно непринятие христианских ценностей, агрессивность по отношению к традициям титульного этноса, воспроизводство идентичности, характерной не для нового отечества, а для религиозной и национально-культурной диаспоры.

В результате вместо реальной интеграции культур в современном европейском обществе наблюдается их сосуществование и конкуренция. При этом конкуренция культур тем более сильная, чем больше различия в типах цивилизаций, к которым принадлежат этносоциальные общности. Не случайно, эта модель социокультурной интеграции получила название «слоеного пирога», где каждый слой автономен и отличен от других.

Таким образом, в современном обществе существует реальная проблема сохранения национально-культурной идентичности, как отдельного человека, так и социальной общности, к которой он принадлежит.

Для локальных цивилизаций, не являющихся очевидными (по крайней мере, пока) лидерами глобализационного процесса, например, китайской, индийской или исламской цивилизации, эта проблема сопряжена с отстаиванием основ своего образа жизни и противостоянием, претендующим на роль универсальных ценностей ценностям цивилизации Запада.

Для западноевропейских стран, представляющих цивилизацию Запада, как мы видели, проблема сохранения национально-культурной идентичности стоит не менее остро. Особую остроту ей придают, с одной стороны, низкий уровень рождаемости,

старение коренного населения западного общества и его превращение в потребительское общество, с другой – высокий уровень рождаемости в семьях эмигрантов из Азии и Африки, их консолидация на почве религиозного фундаментализма. Это ведет к тому, что проблема сохранения культурной идентичности человека Запада трансформируется в проблему выживания коренных европейцев как представителей цивилизации.

Рассматриваемая проблема национально-культурной идентичности характерна и для восточнославянской цивилизации, которая может рассматриваться как региональная цивилизация. Ее отношения с цивилизациями Запада и Востока во многом способствуют социально-культурной интеграции и укреплению единства мирового сообщества. Эту роль восточнославянская цивилизация может выполнять постольку, поскольку ее культурные ценности и социальные идеалы, имея много общего с характерными как для Востока, так и для Запада ценностно-нормативными системами, способны быть своеобразным связывающим их «мостиком».

Во-первых, это традиционные экосоциальные ценности. Эти ценности, предполагающие уважительное и бережное отношение к природе и, вместе с тем, отражающие стремление не только приспособиться к ней, но и изменить ее, являются своеобразным «мостиком» между «покорительской» стратегией цивилизации Запада и традиционалистским «вживанием» в природу цивилизации Востока. Осуществлявшийся в работах русских «космистов», в концепциях биосферы В. И. Вернадского и коэволюции человека и природы поиск гармонизации отношений между ними свидетельствует о значимости для восточнославянской цивилизации экосоциальных ценностей.

Во-вторых, это культурно-исторические ценности, которые также имеют непреходящий характер и являются системообразующими элементами восточнославянской цивилизации. Они придают ей неповторимый характер и тоже могут служить связующим звеном между цивилизациями Запада и Востока. Основанием для этого является их синтетическая природа, способствующая преодолению ригоризма ценностных установок, как Запада, так и Востока.

Среди социокультурных ценностей восточнославянской цивилизации особо выделяется ценность коллективизма как установки на гармонизацию интересов личности, коллектива и общества в целом. Достижение этой гармонии – фундаментальная проблема и было бы самонадеянно утверждать, что в развитии восточнославянской цивилизации она была однозначно решена. В ее прошлом известны периоды доминирования общинного, затем общественного, над индивидуальным и личностным началами. Но и в этом случае в общественном мнении, художественной и философской литературе существовало понимание неестественности или, как минимум, проблемности таких отношений. Отметим, что как в западной, так и в восточной философско-культурологических традициях оппозиция личностного и коллективного начал жизни общества вплоть до новейшей истории рассматривалась как естественное явление.

Большинство русских философов исходило из невозможности противопоставления духовных интересов индивида и социума, осознавая, что лишь в их дополнении и взаимопроникновении только и может состояться личность. Наиболее отчетливо это проявилось в творчестве В. С. Соловьева, отмечавшего, что общество есть дополненная или расширенная личность, а личность – сжатое, или сосредоточенное, общество. Подобная позиция характерна и для Н. А. Бердяева, напрямую связавшего смысл истории со смыслом жизни человека и, тем самым, придавшего проблеме интерпретации феномена человека историософский характер.

Еще одна ценность – ценность государства как оплота и гаранта стабильности общества. Само становление восточнославянской цивилизации стало возможным благодаря

созданию сильного, способного обеспечить безопасность границ государства. Вместе с тем, отношение к государству на всем протяжении существования восточнославянской цивилизации было двойственным, что нашло отражение в характерной для русской философско-правовой мысли бинарной оппозиции «государство как орган» и «государство как организм». Первое выражение имело негативное значение, фиксируя бюрократическую сущность управленческого аппарата как инстанции принуждения; смысл второго был позитивным, связанным с оценкой государства как организатора всей общественной жизни.

Отсюда в качестве особой ценности восточнославянской цивилизации вытекает ценность гармонии государства и гражданского общества. Речь идет о «естественном» гражданском обществе, зачатки которого появляются до возникновения государства, и которое в период оформления национальных государств в XVII–XIX вв., перерастает в дополняющее государство «позитивное» гражданское общество. Показательно, что в философско-политической мысли восточнославянских народов, сквозным являлся идеал «народного государства» – государства как организма, вырастающего из гражданского общества и дополняющего его.

Среди других ценностей восточнославянской цивилизации необходимо назвать ценности веры, социальной справедливости и равенства. Эти традиционные ценности восточнославянских народов невозможно рационализировать, уподобив их нормам формального права. Характерный для традиционалистской цивилизации Востока акцент на роли морали как регулятора межличностных отношений и присущая цивилизации Запада артикуляция правовой нормативной системы, фактически разрывали единство этих двух основных систем социализации человека и регуляции отношений в обществе.

Для восточнославянских народов характерно осознание необходимости гармонизации этих двух нормативных систем, но при этом, признавая важность права, они не могли смириться с его формально-обезличенным характером. Отсюда – знаковая для отечественной философской мысли дилемма «правды-истины» и «правды-справедливости», решаемая, как правило, в пользу последней.

Наконец, самоценностью является сама восточнославянская цивилизация, определившая возможность существования современных восточнославянских народов и являющаяся гарантом их суверенного положения в будущем. Поэтому сохранение и приумножение ее традиционных ценностей и приоритетов – условие цивилизационной идентичности и самого существования восточных славян как этносоциальных общностей.

При несомненном единстве и общности исторической судьбы восточнославянской цивилизации очевидно своеобразие цивилизационной динамики белорусского, русского и украинского народов, игнорирование которого является причиной возникающего временами взаимонепонимания и, как следствие, недоверия друг к другу. Это различие, учитывая вариативность исторического процесса, вполне естественно и выступает одним из объективных оснований идеологии белорусского государства, призванной способствовать укреплению национально-государственной, культурной и цивилизационной идентичности белорусского народа.

Тем не менее, жизнь современного общества весьма динамична и наше общество, как и человечество в целом ждут перемены. Очевидно, что процессам глобализации нет альтернативы, однако пути и перспективы ее могут быть различными. Будущее восточнославянской цивилизации в целом и Беларуси в частности во многом зависит от зрелости их коллективного и индивидуального самосознания, развития их государственно-правовой, национально-культурной и цивилизационной идентичности.